В.К.Былинин

Русскоязычные эпиграммы XVI века
/ Максим Грек и Федор Карпов /

Эпиграмма - полноправный представитель системы поэтических жанров, сформировавшейся еще в эпоху античности. Правда, в величественном здании классической поэзии ей принадлежало отнюдь не почетное - последнее место. Постепенно однако / особенно в позднеэллинистический период / это положение и сам смысл слова эпиграмма - "надпись" изменяются. Оно приобретает новое значение особого литературно-поэтического жанра - короткого стихотворения на какой-либо предмет или событие, о котором надо было сказать не только лаконично, но и предельно остроумно, "изящно". Расширяется тематика этого жанра: появились всевозможные эпиграммы христианского содержания, эпиграммы похвальные и посвятительные, декламационные и описательные, увещательные, надгробные и прочие.

О русской / церковнославянской / книжной эпиграмме до XVII в. до сих пор почти ничего не было известно. Тем не менее новейшие исследования[1] позволяют заключить, что освоение этого поэтического жанра началось на Руси не позднее конца XII - начала XIII столетий.

К началу XVI века - "золотого века" древнерусской духовной лирики[2] - переводные и оригинальные эпиграмматические произведения составляли уже достаточно обширный корпус текстов, вошедших в русскую / церковнославянскую / рукописную традицию. Значительный прирост данному корпусу давали, в частности, так называемые синаксарные эпиграммы стишного Пролога[3].

Важная роль в развитии малых форм древнерусской поэзии принадлежит Максиму Греку. Кроме теоретических замечаний касательно стихотворства[4], им оставлен ряд оригинальных стихов, относящихся к эпиграмматическим жанрам. Сохранились и некоторые его церковнославянские переводы греческих "ироических" и "элегических" стихотворений.

Еще в итальянский период творчества молодой Максим / в миру Михаил Триволис / демонстрирует свою приверженность эпиграмматической поэзии[15]. Среди известных ранних его стихотворений большая часть - эпитафии. По-видимому, в этом нет ничего удивительного. Ведь эпитафия, или надгробная эпиграмма - древнейший стихотворный жанр с богатой историей и тщательно разработанной системой поэтико-технических средств[16]. Отдавая дань поэтической традиции, Максим тяготеет к дактилическим и хореическим размерам. Наглядным примером тому может служить его эпитафия патриарху Нифонту II, написанная правильными гекзаметрами:

Ἀργυρίου χρυσίου τε φαάντερον ἠδ᾽ ἐπιτίμων
Συλλήβδην λιθάκων τὸν λάμψαντ᾽ ἀρχιερῆα ‹Νήφων᾽›...
Ἀλλά, Πάτερ μέγα, χαῖρε μονήν τ᾽ ἐπιμνέεο τήνδε
Λιταῖς σαῖς πρὸς ἄνακτα διαμπερὲς ἔμπεδα τηρεῖν,
Αὐτῷ θ᾽ ἡγεμόνι κράτος αρραγές ἠδ᾽ ὑγίειαν.
Ζῶντι μάκαρ παρέχειν ἀτὰρ μετὰ γαῖαι ἀφέντα
Αὐτὰ ενιδρῦσαι ἀνάκτορα θεῖα Ὀλύμπου.[17]

Хвалебная эпиграмма Мануилу-ритору / нач.: "Ῥητῆρος μεγάλου τα μυρίπνοα ταῦτα // Μουσῶν καὶ χαρίτων ἔκγονα καὶ σοφίες..."[18] / указывает на интерес поэта к стихотворной полиметрии: она построена по схеме: I6 - I3 - I6 - I3 - I6 - I3 - I6 - I3 слогов. Возможно, это надо рассматривать как дополнительное объяснение того, почему впоследствии, уже на церковнославянском языковом материале, писатель обратился к силлабо-симметрическому стиху / между прочим, использование Максимом греко-латинского стихотворного опыта для составления русских стихов отмечалось его русскими сподвижниками; так, инок Сильван указывал, что многие знали Максима как человека, "не токмо же" способного говорить и писать на греческом, латинском и русском языках, "но и творити мерою ироиски, иамвийски и во всех благоискусна суща"[19] /.

Похоже, что с эпитафией русские книжники познакомились прежде всего

благодаря Максиму Греку. Именно в этом жанре Максимом составлена поэтическая миниатюра, посвященная некоему Федору Тверскому / по-видимому, - монаху Тверского Отроча монастыря/. Текст ее известен по двум спискам - конца ХУI в.[10] и первой четверти ХУП в.[11], где он представлен в прозаической записи. Но наличие синтаксических знаков позволяет восстановить его стихотворную запись:

Ея же желаше Феодор присно юности от своея,
Лицем къ лицу покланяемую ныне зрит Троицу.

Кто и откуду еси? - Тферитин!
Наречением кто? - Феодор!
Рачитель неблазненныа христианскиа премудрости,
Блажен въистину ты еси,
Зерцалом бо уже разрешеным
Самую Ту ныне ясне зриши.

Это стихотворение, отличающееся определенной звуковой и слоговой урегулированностью строк / 17 - 17 // 10 - 9 - 17 - 9 - 10 - 10 /, зримо распадается на две части. В самой рукописи / Троицкий список / первое двоестрочие выделено киноварью, что заставляет исследователей прочитывать его как заглавие "статьи". Вторая часть создана в духе классической надгробной надписи, мы бы сказали, - "звучащей" или "говорящей" надписи, когда надгробие как бы задает вопросы своему хозяину и славит его. Третья и четвертая строки заключают в себе даже некое подобие диалога олицетворенного надгробия с покойным Федором. В аспекте формального построения данную эпитафию следует причислить к "активным" эпиграммам / по терминологии, принятой школьными поэтиками конца ХУI - нач. ХУП вв.[12] Обращаясь к названной поэтической форме, поэт опять-таки верен классической традиции и себе. В форме "активной" эпиграммы им была написана одна из трех эпитафий патриарху Нифонту, которая начиналась словами: "Ἕτερον εἰς τὴν αὐτὴν λάρνακα ...", то есть - "Я, золотая рака, внутри // скрываю более драгоценное, чем золото // - Нифонта, архиерея Византии" и проч.

Примечательно, что "активной" - построенной в форме монолога персонифицированного неодушевленного предмета - эпиграммой является также небольшое стихотворение "Речи аки от амвона". Приведем его начальные строки по рукописи 1587 г. ГБЛ, ф. 310 / собр. Ундольского / № 487, л. 11 об., содержащей широкую подборку сочинений Максима Грека:

Амвон аз преухыщрен, дело доброхвално,
И всяческими цветми различных узор и вапов преудобрено.
Посреде церкви водружен есмь на возглашение
Богодухновенных писаний православным людем ...

Силлабическая структура этих стихов выглядит следующим образом: 13 / 15 / - 20 - 15 - 15 - 20 - 20 - 15 - 15 - 15 - 15. В композиционном рисунке стихотворения преобладают 15-сложники, сочетание которых с 20-сложными строками выглядит весьма органичным / две из них - вторая и шестая сводятся к условной схеме: 15 + 5 /. Судя по доступным нам стихотворным материалам, пятнадцатисложником до ХУП в. написано значительное количество церковнославянских стихов, что, вероятно, надо связывать с преимущественной ориентацией древнерусских поэтов-переводчиков старшей поры на византийскую поэтическую традицию, где этот имитирующий усеченные гекзаметры размер получил название "политического стиха" и нашел довольно активное употребление / в период с IX по ХУ вв. /. В ХУП в., когда векторы культурного развития России резко сместились к Западу, 15-сложник напротив стал редким явлением в русской поэзии.

За тридцать с лишним лет жизни в России Максим Грек перевел огромное количество всевозможных статей и произведений на церковнославянский язык. О его переводах из античной эпиграмматики дает представление четверостишие, вошедшее в полемическое "Слово на звездочетцев":

Влъхви, елицы в ъ з ы с к а е т е звездныи путь,	- 14
И с ч е з н е т е, суетныя мудрости, лжесловци,	- 14
Вас безумие п о в и л о, а смелство лютое	- 14
Ро д и л о на свое ведущих безъсловие. 13	- 14

Это – довольно точное переложение изосиллабическими I4-сложниками увещательной эпиграммы Леонида Тарентского / III в. до н.э. /. Но Максиму удалось вдохнуть в славянский текст стихотворения очень своеобразное интонационно-ритмическое звучание, благодаря филигранной работе с поэтическим словом. Мало того, что здесь совершенно определенно использован прием стихотворного переноса / ! /, но в каждой нечетной строке / I, 3 / второе слово фонетически согласуется с последним словом последующей четной строки / 2,4 /, а третье слово нечетных строк также согласуется с начальным словом четных.

Переведенная Максимом Греком эпиграмма адресована астрологам. В первой половине ХУI в. многие образованные люди в России были увлечены идеями астрологического учения. Вокруг этих идей разгоралась жаркая полемика. Максим Грек всячески отрицал ложную попытку сторонников астрологии с помощью толкований "звездных обношений" "предрицати / предпознавать / о будущих". Цитируя Аристотеля, он писал, что "несть о будущих ниже художество, ниже видение кое". Другое дело – пророчества. Даже от язычников, по мысли писателя, иногда исходили верные предсказания. Так, он перевел с греческого / вероятно, по изданной в Венеции Альдом Мануцием книге **Oracula Sibyllina** УШ, 2I7 – 250[14] / стихотворный оракул сивиллы Эрифреи о Христе, содержащий акростих **ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΙΣΤῸΣ ΘΕΟΥ͂ ΥἹΟΣ ΣΩΤῊΡ ΣΤΑΥΡῸΣ**. У Максима: "Строки Сивилы пророчицы о втором преславном пришествии Спаса Христа и о страшном суде, их же краеграние / т.е. акростих – В.Б. / сицево есть: ИИСУС ХРИСТОС БОЖИЙ СЫН СПАС". Вот начало этого переводного текста:

Изпотеет бо земля, знамение суда егда будет
Из неба же приидет Царь веков будущий и т.д.

Однако в списке перевода Максима, опубликованном Х.Лопаревым[15], стихотворная структура оригинала не выдержана. Более организованным в стихологическом аспекте выглядит тот же текст "Строк Сивилы" в другом списке ХУI в. – ГБЛ, ф. 256 / собр. Румянцева / № 264, л. 64 об. – [illegible].

В рукописях ГБЛ, ф. 173 фунд., № 42, л. 83 об. и ГБЛ, ф. 173 Ш, № 138, л. 50 содержатся наиболее сохранные списки максимова "Слова обличительна на агарянскую прелесть", где также приводится перевод названного акростишного пророчества Сивиллы о Христе[16].

В составе того же Слова "на агарянскую прелесть" прочитывается эпиграмматическое по своей форме и сути четверостишие - "пророчество Орфея":

Христос хощет родитися от Девы Марии, - 14
и верую в Него. - 6
При Коньстянтине же и Ирини пакы солнце - 14
узьриши Мене. - 6

Просодическая схема стихотворения: 14 - 6 - 14 - 6 слогов. Ни греческий, ни латинский источник его пока не обнаружен, так что не исключено, что это - оригинальное сочинение Максима[17].

В отличие от Максима Грека один из его литературных оппонентов - Федор Иванович Карпов считал астрологию "художеством художеств". Видный государственный деятель, дипломат, Карпов был прекрасно образованным человеком для своего времени; он свободно владел латинским языком, на котором читал произведения античных поэтов и мыслителей; ценил гуманитарные знания и талант в других людях. Так, в послании известному в XVI веке писателю, старцу Филофею, он искренне хвалил последнего за искусно составленные тем "писанейца": "Омировым / - Гомеровым - В.Б. / бо словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамотически уметелне сложена. Похваляю, яко разум божественных и человеческих умеюща". Вместе с тем, сам Карпов обладал ярким и самобытным литературно-поэтическим талантом. Свидетельством тому, среди прочего, служат его стихотворные переводы из Овидия, созданные до 1539 года и включенные в ответное послание Карпова митрополиту московскому Даниилу[18]. Несколько стихов, читаемых в этом послании, оформлены как самостоятельное стихотворение элегического рода. Они вос-

ходят к "Метаморфозам" Овидия. Сравним:

У Овидия: *Vivitur ex rapto, non hospes ab hospite tutus.*
Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est (I, ~~144~~-145)/

Перевод на современный язык:

Живут за счет грабежа, и хозяин и гость опасны друг для друга,

И - тесть для зятя; братская же всякая любовь редка есть.

Перевод Федора Карпова:

Ныне брани везде, ныне живут от похищения.

Несть гостинник от гостя без боязни, несть - тесть от затя,

И братская убо любовь редка есть.

Как видим, древнерусский переводчик блестяще решил творческую задачу: он не оказался в плену у латинского оригинала, но, верно передав его общий смысл, в целом создал художественно цельное поэтическое переложение. Введенные им дополнительные повторы, метко подобранные слова, образующие благозвучные звуко-смысловые "рифмы" / " брани - братская", "гостинник - гостя", "везде - боязни - затя" и др. /, создают при прочтении текста впечатление его смысловой и эстетической завершенности. Заметим также, что Карпов постарался сохранить метрический строй своего источника. И частично ему это удалось сделать, благодаря построению стихов по схеме: I6 - I6 - II слогов.

В том же послании Даниилу встречаем еще одно стихотворение, первые два стиха которого представляют собой перевод из "Науки любви" Овидия / П, 277 - 278 /, а третий и четвертый стих - из овидиевых же "Фаст" / I, 217 - 218 /19/:

Златна веки суть въистиньну ныне: много - I5 / 6 + 9 /

Златомъ приходить санъ, златомъ съветуется любовь.- I5 / 6 + 9 /

В цене цена ныне есть, дает кенсон+ саны, - I3 / 7 + 6 /

Кенсон - дружбы, убогий везде лежит празден. - I3 / 7 + 6 /

/ + Кенсон - лат. **census**, греч. **χῆνσος** - высокое имущественное положение, состояние; подать /.

Не трудно заметить, что и данному поэтическому переводу сообщено органичное смысловое единство, в результате чего он приобрел жанровые черты элегии или, может быть, назидательной эпиграммы, образованной по принципу ц е н т о н а. Центон это - стихотворное произведение, составленное из отдельных кусочков других стихотворений. Такой компилятивный способ "сочинения" стихов получил в средневековой европейской литературе, не знавшей понятия плагиата, большую популярность. В то же время в приведенном тексте отчетливо запечатлелась собственная индивидуальность Карпова - переводчика и поэта. Она угадывается в излюбленных им словесных повторах[20], в особо тщательной шлифовке каждого стиха и всего произведения в целом. Сколько же усердия нужно было приложить ему, чтобы, выдерживая связь с образцовым иноязычным оригиналом, написать стихи, четко разбитые цезурами на полустишия / 6 + 9. 6 + 9. 7 + 6. 7 + 6 /, начальные слова которых образуют что-то в роде "первоgечного" акростиха[21]: "Зла Златом Въ цене Кенсон / Въистину Златом Дает Везде". В древнерусской литературной традиции преимущественной сферой разработки акростиха - как особого поэтического приема и криптографической формы - была гимнография, поэтика которой включала и различные формы повторов[22], а также в контексте общей идеи прославления имени святого или праздника - проведение единой / стержневой / словотемы. Более чем вероятно, что Карпов опирался в своем поэтическом творчестве на этот богатейший художественный опыт. Чтобы убедиться в небезосновательности сказанного, достаточно сопоставить цитированные стихи - "Златыа веки..." с извлеченной из месячного Стихираря начала ХУ века стихирой св. Иоанну Златоусту:

Глаголы златозарьными землю,
Иоане премудре, напоил еси,
Златоточиву имея душю и тело пребогате.
Вься позлатив словесы своими,
Златодетелю, повелениемь си,

И кънигы написав златописаны,
Възлете на Небо.
Тем вопием ти, златослове и златоусте,
Христа Бога моли съпасти душа наша[23].

Итак, к середине XVI столетия в России вполне четко обозначились малые формы книжной поэзии, представленные либо в самостоятельных записях, либо / гораздо чаще / - в составе прозаических произведений, но, как правило, с авторскими указаниями, что это - стихи. В их структуре нередко просматривается такой регулянт, как силлабическая симметрия[24], что свидетельствует, по крайней мере, о том, что он не был совершенно забыт древнерусскими книжниками после завершения в XII в. процесса падения редуцированных гласных в русском языке, как это считалось раньше[25]. Однако в рассмотренных стихотворениях силлабическая симметрия не всегда имеет строго безусловный характер и, кроме того, она не является в них непременно доминирующим структурообразующим признаком. Скорее, ее следует интерпретировать лишь в качестве одного из составных компонентов п о л и с и м м е т р и и, каковая заявляет себя главным, общеструктурным принципом организации древнерусских поэтических текстов, наряду с другими компонентами типа различных звукосмысловых повторов, внутренних рифм и т.п. Такое положение вполне объяснимо. Ведь своеобычная стихотворная культура Руси была еще недостаточно развитой и самостоятельной для выработки жестких стиховых доминант. Акцентный рифмованный стих, проникновение которого в русскую книжную письменность обнаружилось в XIV веке[26], к XVI веку еще не получил достаточного развития, а классические стихотворные размеры и для самих греков в это время принадлежали больше к филологической теории, чем к живой поэтической практике / в которой давно возобладал силлабический принцип стихосложения /. В XVI в. книжная поэзия Руси была еще малопродуктивной, она не являлась "общенародным достоянием", будучи доступной сравнительно узкому кругу образованных книжников.

/ не случайно термины "пиит", "ветия" служили фактическими синонимами слов "мудрец", "философ" /. Поэтам-переводчикам, которые стремились по возможности точно передать не только содержание, но и форму иноязычного оригинала, было гораздо проще добиться этого на небольшом объеме стихотворного текста. И это, несомненно, обусловливало зарождение изначальной традиции "поэзии малых форм". В крупных поэтических памятниках, переведенных с греческого и других языков на славянский в означенную эпоху, стиховая структура оказывалась либо сильно расшатанной, либо почти полностью утраченной[27].

Что касается конкретно стихотворений Максима Грека и Федора Карпова, то, думается, к изложенным выше наблюдениям нужно добавить следующее. При всей значительности личного творчества и теоретического опыта Максима Грека для его русских учеников и последователей, этот его поэтический опыт объективно был направлен на дальнейшее развитие в России уже существовавшей / хотя и слабо выраженной / традиции книжно-поэтического слова, ориентированной на греко-византийскую стиховую культуру. Немногие же известные ныне стихотворные опусы Карпова напротив как бы исподволь размывали эту традицию, перенося акцент с образцовых греческих литературных источников на западные - латинские. Во второй половине ХУI века такое перенесение акцентов должно было получить поддержку со стороны самого царя / как известно, Иван Грозный активно мусировал идею о своем германском происхождении - "от кореня кесаря Августа", приблизил к себе многих немцев и, очевидно, не без их помощи пытался даже сочинять на немецком языке шпрухи[28], "самохвальные" эпиграммы /. О написании виршей, как о чем-то для себя и для всякого образованного человека само собой разумеющемся, говорил знаменитый оппонент Грозного, князь А.М.Курбский. В одном из своих посланий 1572 г. он прямо отметил: "переложихом от римскаго языка во словенско... реченый вирш или стих" / Епистолия к Кузьме Мамоничу [29].

Одним словом, в названный период в кругу образованной русской арис-

tократии заметно проявляется новая - западноевропейская литературно-поэтическая ориентация. Рассмотренные стихотворные переложения Федора Карпова были начальными импульсами в этом постепенно расширявшемся культурном процессе, однако по своим художественным достоинствам они не уступают позднейшим стихотворным переложениям из Овидия и других латинских авторов, выполненным в России во второй половине уже следующего - XVII столетия.

Примечания:

1/ См.: Зилитинкевич В.С. Переводы из Феогнида в древнерусской "Пчеле" // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 33- 37; Былинин В.К. Эпиграмма в славянской средневековой книжности // Герменевтика / Материалы и исследования по Древней Руси. Вып. 3. М., 1990 / в печ. /.

2/ См.: Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1951. Былинин В.К. Древнерусская духовная лирика // Прометей. М., 1990 Вып. XVI.

3/ См.: Кожухаров Ст. Старобългарски проложни стихове // Литературна история. София, 1977, № 1 ; Былинин В.К. Славянская синаксарная эпиграмма // Palaeobulgarica. София, 1990, № 2 / в печ. /.

4/ Сочинения преподобного Максима Грека. Казань. 1862. Т. III. С. 245 - 259; 286. См. также: Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека// Byzantinoslavica. 1935 - 1936. Т. 6. С. 101 - 105; Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI - начала XVII в. Л., 1975. С. 116 - 125; Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Прага. 1976. С. 85 - 90.

5/ См.: Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident (Contribution a l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis). Paris-Louvain, 1943. pp. 412 - 415 (Appendice II).

6/ Ср.: Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 119 - 139.

7/ Denissoff. E. Op. cit. p. 414 Нач.:"Более блистательный, чем золо-

то, серебро // и все драгоценные камни, прославленный архиерей Нифонт ...".

8/ Denissoff E. Op. cit. p. 412 Нач.:"Великого ритора полные благоухания песни эти //- муз, граций и мудрости суть дети...".

9/ Цит. по: Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб. 1885. Т. I. С. 628.

10/ ГБЛ, ф. 173 фунд., № 153, л. 577.

11/ ГБЛ, ф. 304, № 200, л. 14 об.

12/ Ср., напр., украинск. Поэтику 1637 г.: Крекотень В.І. Київська Поетика 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI - XVIII ст. Київ, 1981. С. 128. Но и раньше это понятие было выведено в Поэтиках Лаврентия Корвина / 1492 / и Юлия Ц. Скалигера / 1561 /.

13/ Цит. по: Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 123 / № 155 /. См. также: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека / Неизданные тексты. Л., 1984. С. 18 - 19.

14/ См.: Буланин Д.М. Об одном из источников сочинений Максима Грека // ТОДРЛ, Л., 1979. Т. XXXIII. С. 432 - 433; он же: Переводы и послания Максима Грека, С. 21 - 24.

15/ Лопарев Х. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III / Изд. ОЛДП, Т. CXIV /. СПб., 1899. С. 188 - 190.

16/ В переводе Максима Грека акростих отсутствует, как позднее он был не полностью соблюден и в переводе Николая Спафария / см.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Подг. текстов О.А.Белобровой. Л., 1978. С. 67 - 68. /.

17/ Цит по: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека, С. 22 / по рук. ГБЛ, ф. 173 фунд., № 42, л. 83 /.

18/ См.: Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века // Летопись занятий Археографической комис-

сии. Вып. 2I. СПб., I909. С. I06 - II3 / по единственному списку ГПБ, О. I. I439, л. 3I4 - 329 /. То же в: ПЛДР / Конец ХУ - первая половина ХУI века. М., I984. С. 504 - 5I8.

19/ См.: Буланин Д.М. Комментарии к сочинениям Ф.И.Карпова // ПЛДР / Конец ХУ - первая половина ХУI века, С. 748.

20/ Не исключено, что "наращивая" повторы, Карпов ориентировался на отечественную поэтическую традицию. Ср. в Галицко-Волынской летописи / ХШ в. / после слов "яко же Омир / Гомер - В.Е. / пишет". вернее, исключая эту ремарку из текста, читаем:

О лесть, зла есть! <...>
До обличения сладка есть,
обличена же зла есть.
Кто в ней ходить,
конец зол приимѐт,
а злее зла зло есть.

Цит. по: ПЛДР/ ХШ век. М., I98I. С. 274 / из летописной статьи под I229 г. /. Ср. также с поэтическими анадиплосисами из "Лаодикийского послания" Феодора Курицына: ПЛДР / Вторая половина ХУ века. М., I982. С. 538.

21/ "Перворечными" назывались акростихи, составленные не по начальным буквам, а по первым словам в каждой строке / или строфе /. Ср.,в примеру, в списке служебного канона великому князю Андрею Боголюбскому - ГБЛ, собр. архим. Амфилохия, ф. 7, № 76 / втор. четв. ХУП в. /, л. I26 - I33 об. - отмечено, что данный канон "имый вместо краегранесия с т и х о с л о в н о е п е р в о р е ч и е". И действительно, акростишная фраза здесь складывается по первому слову каждого тропаря - строфы / см.: Былинин В.К. Русские акростихи старшей поры: до ХУП века // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., I985. С. 2I3 /. Судя по всему, форма эта очень древняя, появившаяся на свет вместе с самой идеей акростиха. Она отмечается практически во всех древних индо-европейских литературах.

22/ Подробнее об этом см.: Былинин В.К. К проблеме стиха славянской гимнографии / X - ХШ вв. /. // Славянские литературы. У Международный съезд славистов / София, сентябрь 1988 г. /. Доклады советской делигации. М., 1988. С. 33 - 51.

23/ ГБЛ, ф. 256, № 420, л. 55 об.

24/ О принципе силлабической симметрии в южнославянской и русской средневековой книжной поэзии см.: Якобсон Р.О. Заметка о древнеболгарском стихосложении.// ИОРЯС. Пгр., 1923. Т. XIУ, № 2. С. 351 - 358; он же: The slavic respons to byzantin poetry. // XII-e Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961, pp. 249 - 265; Трубецкой Н.С. Одно церковнославянское стихотворение. // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 350 - 351; Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 194 - 196.

25/ См.: Панченко А.М. Книжное стихотворство. // История русской литературы X - ХУП веков. Под ред. Д.С.Лихачева. М., 1980. С. 355; он же: Русская стихотворная культура ХУП века. Л., 1973. С. 12- 14. Ср. также: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 24.

26/ Ср.: из поэтических приписок / схолий / псковского книжника Козьмы Поповича:

а/ Ох, ох, голова мя болить,
не мочи псати.
А уже нощь,
лязмы спати. / ГИМ, Синодальное собр., № 239 - Пролог за сент.-февр. месяцы, 1313 г., л. 39 /.

б/ Бог, дай съдоровие к сему богатию:
Что кун, то все в калите,
Что порт, то все на собе;
Удавися, убожие, смотря на мене. / ЦГАДА, ф. 357, № 61 - Паримейник 1312 - 1313 гг., л. 131 /. Или, напр., - собственноручную

запись московского митрополита Алексия на листе Служебника 1352 г.:

Черкизово сельцо

Куплено на мое серебрецо / См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 5. СПб., 1842. Кн. II. Примеч. к Т. У, сноска 397, стб. 168 /. Таких рифмованных приписок в рукописях XIУ - ХУ вв. обнаруживается множество!

27/ Переводные памятники, не сохранившие стихотворной структуры своего первоисточника, хорошо известны, например, - "Диоптра" Филиппа Пустынника или поэма Георгия Писиды "Миротворение" / "О всея твари" и др. Вместе с тем, отдельно необходимо отметить русский перевод середины ХУI в. польской виршевой сатиры "Беседа магистра Поликарпа со смертью" / ХУ в. /, текст которого охвачен рифмой почти на 80 процентов / см.: Былинин В.К. О становлении рифмованного дисметрического стиха. // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. М., 1985. Т. 44, № 2. С. 165 /.

28/ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1843. Кн. Ш. Т. IX, стб. 155 - 156. См. также Примеч. к Т. IX, сноска 476, стб. 108 - 109. Впрочем, определенно атрибутировать приведенные здесь шпрухи Ивану IУ едва ли возможно.

29/ Цит. по: Виршевая поэзия / Первая половина ХУII века. Сер. "Сокровища древнерусской литературы". Составление, подгот. текстов, вступ статья и комментарии В.К.Былинина, А.А.Илюшина. М., 1989. С. 389.

+ + +